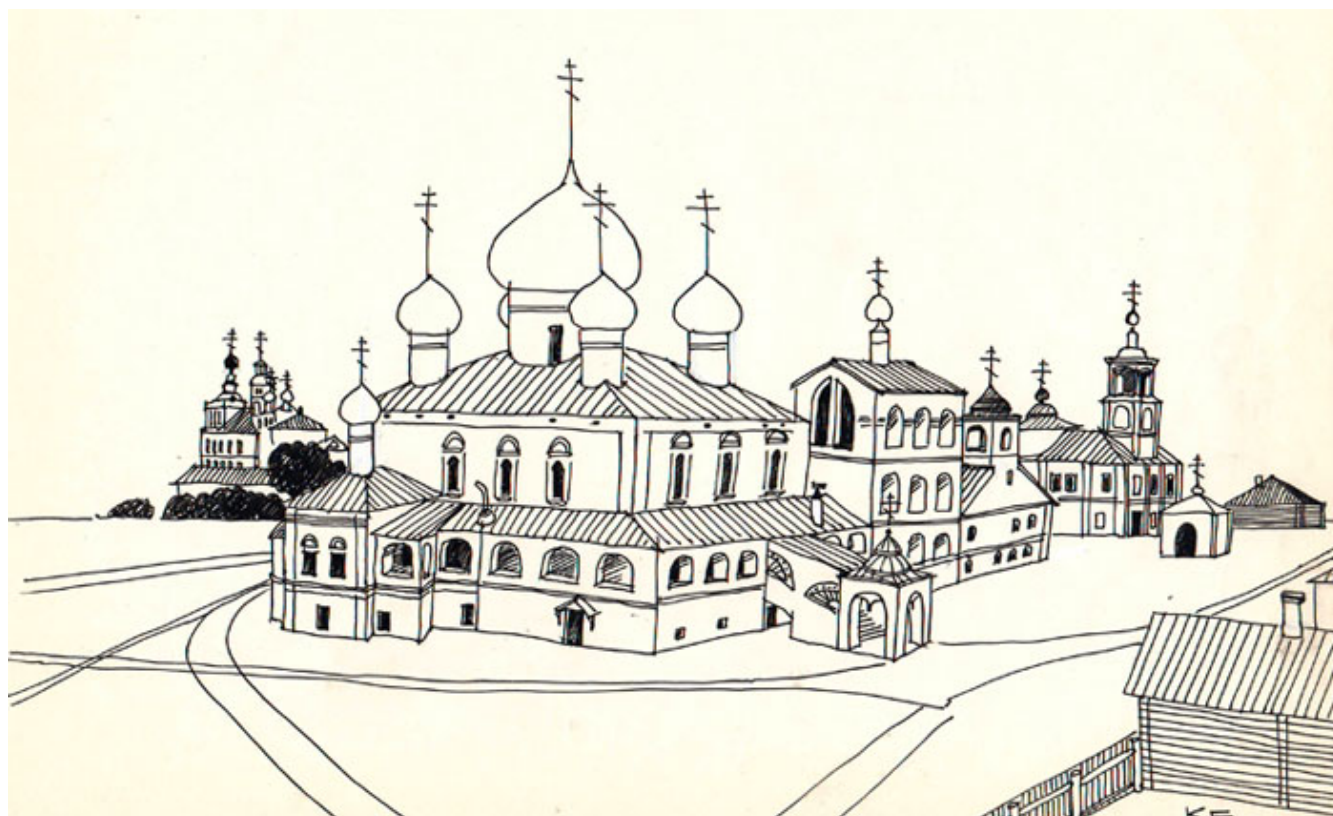




Дом Серебренниковых не единственный в Угличе, наперекор событиям донёсший до наших дней остатки старого своего быта. На той же главной улице города двухэтажный каменный особняк с колоннами сохранил зал, расписанный медальонами с портретами знаменитых людей, зал, украшенный разрисованными «ампирными» печами, сохранивший на стенах старые копии с картин столь популярных в своё время французских живописцев. И во многих других домах Углича можно найти росписи на потолках и стенах, мебель ореховую и красного дерева, фарфоровые куклы, картинки, расшитые шерстями, стекло, где золотом выведены на гранях модные пейзажи и руины, стекло, верно, изготавливавшееся где-то по соседству, и множество других теперь никому не нужных вещей.

Купеческие дома, разумеется, преобладают. Среди них самый старый – двухэтажный, с барочными наличниками середины XVIII века в одном из ответвляющихся от главной улицы переулков. Кое-где видны и дворянские дома-усадьбы. Один из них откровенно деревянный, с белыми оштукатуренными колоннами, охватывающими и мезонин, украшен типичными воротами, охраняемыми косматыми львами. Против Углича, на левом берегу Волги, раскинулась уже вполне загородная усадьба Григорьевское. Длинный белый дом XVIII века, испорченный более поздними пристройками и заброшенный уже давно своими последними владельцами, занят теперь лечебницей для душевнобольных. В нём осталось кое-что из росписей и отделок дверей, но уже нет затейливой «китайской» комнаты, некогда отделанной во вкусе немудрёной провинциальной экзотики. О

прошлом переговариваются, раскачиваясь сучьями, липы старого парка, заключённого в прямоугольник ограды. На одном углу её полуразрушенный каменный грот-беседка в виде круглой башни и двух образующих угол помещений со стрельчатыми окнами. За валом расстилаются луга, мирно пасутся стада, и пастух играет на свирели. Ведь именно так должно быть в Угличе, городе-музее, городе анахронизмов, городе, замороженном прошлым.



Неподалеку от Григорьевского усадьба Берёзки. Название как нельзя более подходит к месту. Небольшой парк перед домом – берёзовый; берёзовая прямая аллея ведёт от дома по склону пригорка до границы сада, где, как обычно, вал и ров. Золотые листья застыли неподвижно на ветвях в тишине серого осеннего дня, пахнущего грибами и прелью, дорожка и трава куртин осыпана ими, и кажется на мгновение, что падает на них жёлто-золотой солнечный луч. Дом в усадьбе двухэтажный деревянный. Оба этажа садового фасада украшают галереи-балконы с редко поставленными столбами-колоннами, отдалённо напоминающими Камеронову галерею в Царском Селе и террасу разрушенной Строгановской дачи в Петербурге. В глухой провинции отпечаталось нарядное мастерство Воронихина. Но дни усадьбы сочтены: протекает

крыша, гниют полы и стропила, скоро рухнет бесформенной кучей деревянный помещицкий дом, такой типичный, такой уютный и вместе с тем печально-обречённый в своём окружении точно оплакивающих его берёз... Оборвано всё и внутри. Разбиты солдатами, здесь стоявшими, мебель, печи и полы, лохмотьями висят обои, тёмно-коричневые с разводами, в зале с забитыми окнами. В Берёзках ещё едва теплится жизнь, но это последние вздохи умирающего, и не знаешь, может быть, предпочтительнее настоящая смерть, полное, невозвратимое умирание.

Через поля, перелесок, речку ведёт дорога обратно в город. К вечеру неподвижна вода в реке. Зачарованными кажутся повторённые отражением дома и церкви, облетающие жёлтым листом деревья, золотые и синие маковки церквей и серые в небе дождевые облака. Отсюда Углич – точно пейзаж, точно картина. И снова в сознании: город-музей.

Целых три музея в городе. Терем, древлехранилище в прежней церкви царевича Димитрия «что на крови» и церковный музей в группе храмов, связанных между собой типичной ростовской звонницей.

В верхней палате терема – ряд символических картин, связанных с углицкой драмой. Неуклюже и натянуто смотрят с холстов представители городского купечества, верно, те, что строили дома в Рыбацкой слободе. В витринах – бисер местного рукоделия, стекло, фарфор, костяные вещицы – в общем, обычный набор старинных бытовых предметов. В тёмной комнате нижнего этажа – около сотни портретов и картин, свезённых сюда из окрестных имений. Преобладают Тучковы и Кутузовы, герои войны 1812 года... А по стенам – кресла корытцами красного дерева, «покойные» и такие типичные для обстановки барского дома, где, верно, с незапамятных времён висели наряду с портретами и дилетантскими работами заурядные, но старые картины голландских мастеров, также попавшие случайно в этот провинциальный музей.

В церкви царевича Димитрия – древлехранилище. Здесь немного икон, зато богатый подбор старинной утвари, люстр и паникадил, резных крестов, сосудов серебряных и медных, окладов, украшенных чернью, эмалью и филигранью, богато украшенных евангелий. Здесь же – реликвии, связанные с царевичем Димитрием.

Третий, наиболее обширный музей – в группе храмов, связанных между собой арочной ростовской звонницей, храмов, сохранивших ещё частично свои оконца, свои тяги и расщеповки, свои радостные и наивные по рисунку поливные изразцы в ширинках. Быть

может, под слоем коросты таятся здесь неведомые шедевры живописи – сюда, как в склад, снесены громадные ярусы деисусных чинов, пророков, иконы праздников... Многие годы, десятки лет пройдут, прежде чем коснётся этих произведений древнерусской живописи скальпель реставратора – да не верится, будут ли вообще они расчищены... В алтаре выставлены шитьё и церковная скульптура. Последней много, и невольно предрассудным представляется широко распространённое мнение о неизбежной принадлежности этих резных фигур Русскому Северу. Думается, скорее, можно говорить лишь о распределении по территории тех или иных данной местности свойственных иконографических типов. И если для Вологды и Перми характерны фигуры сидящего Христа, то для средней полосы России, помимо, конечно, повсеместно распространённых распятий, типичны представленные и в Угличе многочисленными образцами фигуры Николы Можайского, Параскевы Пятницы и усечённой главы Иоанна Крестителя. Скульптура последнего типа сохранилась в Угличе в ещё не закрытой Иоанно-Предтеченской церкви – радостном, в жёлтый цвет окрашенном храме, стоящем на берегу Волги.

Прекрасный иконостас XVII века, шкаф с узорчатыми старинными ризами, реликвии, связанные с попыткой канонизировать трагически погибшего мальчика (точно Углич – город детей-мучеников) – всё это делает и Предтеченский храм каким-то музейным. В Угличе почти нет церквей неинтересных – в каждой из них можно найти художественные иконы, барочную резьбу иконостасов, шитые покрывала, лампы, паникадила. В Богоявленском монастыре, месте пострижения Марии Нагой, – краснокирпичный, с белыми деталями храм XVII века, украшенный кокошниками с типичными для этого стиля живописно-декоративными главками, несущими купола; в Алексеевском монастыре – группа храмов XVI, XVII, начала XIX века, вся в зелени лужаек и разросшихся деревьев кладбища. В синюю высь, точно стрелы, горделиво врезаются три шатра бледно-розовой «Дивной» церкви, одного из шедевров русского старинного зодчества.

Тщательно и осторожно начаты были здесь реставрационные работы и... брошены – ведь не доходят до всего почти бессильные и смертельно усталые руки тех, кто самоотверженно пытается ещё напролом стихии бесчисленных разрушений беречь и охранять былое искусство...

Во все стороны растекаются зелёные улицы городка. За окраинной слободкой луг, паром через Волгу и выше по реке Покровский Паисиев монастырь, немного монотонно вытянувшийся вдоль берега свои низкие белые стены. Две круглые башни охраняют «святые» ворота по ростовскому образцу. В них есть что-то феодальное, крепостное, особенно благодаря скупости в украшениях. Только выросшая над аркой классическая колокольня вносит сюда неприятный диссонанс. Громадный храм внутри мало интересен

– в нём, так же, впрочем, как и на других стенах (в часовне), рассказана в наивных фресках история избиения монахов в Смутное время поляками. Но это было давно, давно унесла эту кровь Волга, так же как и другую... В монастыре ещё живут три монаха, и оттого в храме идеальная чистота... Под стенами монастыря серо-стальными струями течёт Волга. Низко плавают летние, дождями набухшие облака, на иглах сосен повисли капли воды, временами спадая на опавшую хвою. Временами кажется – ничто здесь не изменилось, точно не было 1917 года в зачарованном городке, но и здесь даже это – лишь мгновенная иллюзия...

Из альманаха «Памятники Отечества» за 1995 год № 32 (статья печатается в сокращении)

«Угличанин» №4 (559) от 31.01.2018 года

{jcomments on}{loadposition yandex-knopka}